

Харлан Эллисон

"Кайся, Паяц!" – сказал Тиктак

Эллисон Х.

"Кайся, Паяц!" – сказал Тиктак / Х. Эллисон —

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	4
	7

Харлан Эллисон

«Кайся, Паяц!» – сказал Тиктак

Всегда находятся те, кто спрашивает: «А о чем все это?» Так вот. Тем, кому вечно требуется интересоваться, кому вечно требуются все ударения и точки над *i*, всем тем, кому без конца требуется знать, что, куда и откуда, предлагаем нижеследующее:

"Именно так служит государству большинство – не столько как люди, сколько в качестве машин, своими телами. Они составляют регулярную армию, милицию; это тюремщики, констебли, понятые и тому подобные. При этом в большинстве случаев им совершенно не приходится применять ни собственное мнение, ни нравственное чувство – они низвели себя до уровня древесины, земли и камней. Когда-нибудь, может статься, смастерят деревянных людей, способных не хуже справляться с теми же задачами. Такие внушают не больше уважения, чем соломенные чучела или глиняные болваны. Цена им – та же, что лошадям или собакам.

Тем не менее обычно им подобные даже считаются за добропорядочных граждан. Другие – как, например, большинство законодателей, политических деятелей, юристов, священников и чиновников – служат государству преимущественно своими мозгами; а поскольку какие-либо нравственные различия они редко бывают склонны делать, то, сами того не сознавая, способны служить как Богу, так и дьяволу. И лишь очень немногие – герои, патриоты, мученики, реформаторы в высоком смысле и просто настоящие люди – служат государству также и своей совестью, а потому чаще всего оказывают ему противодействие – и оно, как правило, видит в них своих врагов".

ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО

«О гражданском неповиновении»

Здесь самая суть. Теперь начнем с середины, затем уясним начало – а концовка пусть сама позаботится о себе.

Итак, в силу того что этот мир был таким, каким он был – каким ему позволили сделаться, – долгие месяцы выходки Паяца не привлекали излишне пристального внимания Тех, Кто Обеспечивает Бесперебойную Работу Механизма, – тех, кто льет наилучшее масло на кулачковые валы и ходовые пружины Цивилизации. И лишь когда окончательно прояснилось, что невесть как и непонятно почему он сделался своего рода знаменитостью, а для «эмоционально неустойчивой части народных масс» (согласно неизбежной формулировке Администрации), может статься, и героем, дело было передано Тиктаку и его всеильному юридическому аппарату. Но к тому времени именно в силу того, что этот мир был таким, каким он был, – а также вследствие того, что не оказывалось никакой возможности предугадать, где объявится Паяц, – быть может, вспышка некой давным-давно исчезнувшей болезни вдруг снова разразилась в Системе, где иммунитет к ней опять-таки давным-давно был утрачен, пропал с концами, ищи-свищи, упомянутому Паяцу позволили стать слишком реальным.

Обрел он и форму, и содержание.

Он сделался личностью – тем самым, что уже много десятилетий назад из Системы устранено. Но так уж получилось – и нате вам! Пожалуйста! Вот он – решительно впечатляющая личность! В определенных кругах – в средних, сказали бы мы, классах выходки его считались возмутительными. Фи! Вульгарное бахвальство! Скандал! Анархистские происки! В других слоях общества – там, где мысль подчинена форме и ритуалу, образчикам истинно достойного поведения, – все это вызывало лишь смешки.

А вот в самых низах – ох уж эти низы, где людям всегда нужны святые и грешники, хлеб и зрелища, герои и злодеи, – его считали Боливаром... Наполеоном... Робин Гудом... Диком Бонгом (Асом из Асов)... Иисусом... Джомо Кепьятой...

В самых же верхах, где любые колебания и сотрясения грозят сбросить богатых, влиятельных и титулованных с насиженных мест, в нем видели общественную угрозу... еретика... бунтаря... позорище... наконец, прямую для себя опасность. Все снизу доверху знали его как облупленного – но существенное для Системы значение имели только реакции верхов и низов. Самой верхушки и самого дна.

И вот его досье вместе с картой времени и кардиоплатой направили во всемогущее ведомство Тиктака.

Тиктак: ростом метра под два. Немногословный, тихонько мурлычущий себе под нос. Когда все идет временно-соответственно. Это Тиктак.

Даже в верхних эшелонах власти, где страх лишь порождали, но редко испытывали, его так и звали – Тиктак. Но за глаза. Прямо в маску никто бы так его не назвал. Никто бы не осмелился.

Попробуй-ка назови человека ненавистным ему прозвищем, если человек этот способен лишить тебя минут и часов, дней и недель – целых лет жизни. В маску к нему обращались как к Главному Хранителю Времени. Так было куда безопаснее.

– Здесь значит только то, кем он является, – с неподдельной мягкостью произнес Тиктак, – а не кто он таков. Эта карта времени, что в моей левой руке, содержит название, но название это говорит только о том, чем он занимается. Кардиоплата, что в моей правой руке, также содержит название, но это не имя, а кличка. К тому времени, как мне потребуется произвести надлежащий вычет, я должен буду знать, кто он на самом деле.

Всему своему служебному персоналу – всем сыскарям, всем легавым, всем загопникам, всем винтикам и даже говноедом – Тиктак задал один-единственный вопрос:

– Кто такой этот Паяц?

И он уже вовсе не тихонечко мурлыкал. Временно-соответственно слова его были резкими.

Таким оказался самый длинный монолог Тиктака, какой только приходилось выслушивать всему его служебному персоналу – всем сыскарям, всем легавым, всем загопникам, всем винтикам... хотя, правду сказать, не говноедом, которых, как правило, все равно поблизости не оказывалось. Но даже они завертели и заторможились, выясняя:

"Кто же такой этот Паяц?

Высоко-высоко над третьим уровнем города он забрался в аэролодку – в гудящие и трясущиеся металлические внутренности (тьфу ты! аэролодка! жалкий свистоплан с кое-как приспособленным корпусом от буксира!) – и принялся разглядывать лаконичные мондриановские конструкции окрестных зданий.

Где-то неподалеку слышалось размеренное «левой-правой, левой-правой» смены с 2:47 пополудни, что бодро направлялась – каждый работник в белых тапочках – на Майкловский подшипниковый завод. Ровно минуту спустя он услышал уже не столь размеренное «правой-левой, правой-левой» утренней пятичасовой смены, строем возвращающейся домой.

Загорелое лицо Паяца растянулось в лукавой улыбке, а на чисто выбритых щеках мелькнули ямочки. Потом он, поворошив шапку рыжеватых волос, слегка поежился в своем шутовском наряде, будто что-то предвкушая, – и нажал на координатор. Ветер мигмом подхватил плюхнувшуюся в поток аэролодку. Паяц мчал над скольземкой, нарочно опустившись чуть ли не до двух метров, чтобы теребить кисточки модниц. Наконец он до упора высунул язык, заткнул уши большими пальцами и, дико вращая глазами, во всю мочь завопил: «Ути-ути-ути!» Получилась... так, мелкая шалость. Одна из прохожих модниц бросилась наутек и, споткнувшись, рассыпала во все стороны какие-то сверточки и пакетики, другая обмочилась,

а третья, отшатнувшись, повалилась набок, после чего служителям пришлось остановить на время скольземку, пока женщин приводили в чувство. Да, мелкая вышла шалость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.